

Предисловие Льюиса Кэрролла

Если и можно было бы обвинить автора этой краткой, но поучительной поэмы в написании бессмыслицы, то такое обвинение, и я в этом твердо убежден, могло бы быть основано на единственной строчке:

«С кормой перепутав бушприт, они шли».

Принимая во внимание такую прискорбную возможность, я не буду (а мог бы) возмущенно призывать обратиться к другим моим произведениям за подтверждением, что я на это совершенно не способен; я не буду (а мог бы) указывать на сильное высоко нравственное назначение поэмы, на начала арифметики, бережно прививаемые книгой читателю, или на содержащееся в ней выдающееся учение из области натуральной истории. Я сделаю проще, пояснив, как это случилось.

Билл Склянки, будучи патологически чувствителен к внешнему виду судна, имел обыкновение раз или два в неделю отдавать распоряжения демонтировать бушприт, чтобы заново покрыть его лаком, и случалось не раз и не два, что когда приходило время возвращать бушприт на место, никто на борту не мог припомнить, продолжением какой части корабля он служит. Они знали, что сказать об этом Биллу Склянки — не самое лучшее решение, ибо он отошлет их к Морскому Кодексу и будет в патетическом тоне цитировать предписание Адмиралтейства, которое никто из них все равно не в состоянии понять. Вот так, как правило, и выходило, что прицепляли бушприт со стороны руля. Рулевой²⁸ стоял обычно со слезами на глазах. Он-то знал, что все неправильно, но — увы! — правило 42 Кодекса: «Никому не дозволяется обращаться к рулевому» Билл Склянки дополнил словами: «Как и рулевому не дозволяется обращаться к кому бы то ни было». Таким образом, любые попытки воздействия на капитана, как и попытки управления судном до наступления дня очередной лакировки бушприта ни к чему привести не могли. Во время таких сбивающих с толку периодов корабль шел себе задом наперед.

Поскольку эту поэму можно считать в определенном смысле развитием баллады «Бармаглот», позвольте мне использовать <...>²⁹ представившийся мне «вопиющий» (fitting) случай, чтобы обратить внимание на трудные слова в поэме. Теория Шалтая-Болтая о двух значениях, упакованных в одно слово наподобие бумажника, представляется мне безукоризненно верной. Для примера, возьмем

два слова: «злой» и «опасный». Представьте теперь, что вы хотите сказать оба слова, но забываете, какое из них должно быть произнесено первым. Теперь открывайте рот и говорите. Если ваши мысли хотя бы чуть-чуть склоняются к «опасный», вы скажете «опасный-злой», но если они развернутся хотя бы на толщину волоса к «злой», вы скажете «злой-опасный». Однако если вы обладаете редчайшим даром «уравновешенного» ума, вы скажете «злопастный». Предположим, что Пистоль произносит хорошо известные слова:

«Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь!»³⁰

Судья Шеллоу совершенно точно знает, что это либо Вильгельм, либо Ричард, но не может все же сказать, который из них. Так что назвать одно имя, потом другое ему будет трудновато. Скорей всего, он предпочтет — в этом не может быть сомнения, — вместо того чтобы «сгибнуть», прохрипеть: «Вильгард!»

²⁸ Эту обязанность обычно брал на себя Бутс, чтобы избежать постоянных жалоб Булочника на негодную ваксу для трех пар его обуви. (Прим. Кэрролла).

²⁹ В опущенном отрывке Кэрролл объясняет особенности произношения некоторых трудных слов. — Прим. перев.

³⁰ Уильям Шекспир. Генрих IV, ч. 2-я. — Пер. Е. Бируковой. В оригинале цитата звучит так: «Under which king, Bezonian? Speak or die!» — Прим. перев.